

Н. В. Богданова-Бегларян
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
n.bogdanova@spbu.ru

**НАД КЕМ СМЕЕТЕСЬ? НАД СОБОЙ СМЕЕТЕСЬ!
(О СМЕХЕ КАК РЕАКЦИИ ГОВОРЯЩЕГО
НА СОБСТВЕННУЮ РЕЧЕВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ)¹**

Объектом внимания в статье является смех как паралингвистический элемент (ПЭ) устного спонтанного монологического текста. На материале 28 монологов разного типа (чтение, пересказ, описание изображения, рассказ) из корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека», записанных от одного информанта (девушка, студентка-нефилолог, типичный экстраверт), показаны различные функции смеха как невербальной дискурсивной единицы: смех как маркер начала или конца текста; смех как реакция на что-то нетривиальное в речи (не в жизни, что в лингвистическом отношении менее интересно), в частности, на собственную языковую креативность; смех как реакция на ошибку или речевой сбой. Каждый речевой сценарий записывался от данного информанта четыре раза, в течение трех лет, с интервалом в два месяца каждый, что позволило, во-первых, анализировать действительные характеристики речи данной языковой личности, а не особенности, спровоцированные конкретной речевой ситуацией. Во-вторых, это позволило сравнивать полученные тексты между собой в разных аспектах, в том числе — прагмалингвистическом. Минимум смеха как ПЭ обнаружился в монологах чтения (0–2,46 % от общего количества токенов), максимум — в монологах, построенных по наиболее трудным коммуникативным сценариям: в пересказах (1,92–5,6 %) и в описаниях изображения (1,33–6,43 %). Значительное количество подобных ПЭ в исследованном материале можно рассматривать как смех говорящего над собой. Многие такие употребления смеха очевидно полифункциональны. Результаты этого и подобных исследований могут быть полезны в самых разных аспектах лингвистики, как теоретических (лингвистика текста, коллоквиалистика,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 94033528 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

психо- и социолингвистика), так и сугубо практических (лингвокриминалистика, создание искусственного интеллекта и проч.).

Ключевые слова: спонтанный текст, монолог, паралингвистический элемент, прагмалингвистика, смех, полифункциональность.

Введение

Важным аспектом анализа устной речи является *прагматический*, позволяющий увидеть работу самого механизма построения спонтанного текста. Предмет исследования в рамках *прагмалингвистики* — самые разные действия говорящего или единицы текста: мимика, жесты, звуковые артефакты, прагматические маркеры и, в числе прочего, паралингвистические элементы (ПЭ) звуковой цепи. ПЭ — смех, вздох, кашель (а также зевота, плач, рыдания, свист, шмыганье носом и нек. др. [Крейдлин 2002: 29, 34–35])², — помимо выражения физиологического состояния говорящего, различения моделей его поведения или реакции на ситуацию или тему разговора, могут также выполнять в устной речи различные дискурсивные функции, что изучено пока явно недостаточно (см. некоторые наблюдения такого рода, полученные, в частности, на корпусном материале, используемом и в настоящем исследовании: [Bogdanova-Beglarian, Baeva 2018; Богданова-Бегларян 2019]). Предметом анализа в работе стал смех (*С) как паралингвистический элемент (подробнее о смехе в устной коммуникации см., например, [Турчик 2010]).

Материал и результаты анализа

Предлагаемые в работе наблюдения сделаны на материале 28 монологов одного информанта (И) (девушка, 19–21 год, студентка-нефилолог, типичный экстраверт) из корпуса русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) [Богданова-Бегларян (ред.) 2013; Богданова-Бегларян (ред.) 2014; Богданова-Бегларян и др. 2017; Богданова-Бегларян и др. 2019]: 4 свободных рассказа на заданную тему (отдых, семья, мечты, учеба), 8 монологов чтения (4 сюжетных текста и 4 несюжетных) и 8 их пересказов, а также 8 описаний изображения: 4 — сюжетного и 4 — несюжетного. Экстравертный тип личности И³, а также близкое знакомство с собирателем-экспериментатором⁴ обеспечили большое количество смеха в ее монологах.

Меньше всего *С ожидаемо обнаружилось в *монологах чтения*, хотя и здесь его доля от общего количества токенов в каждом тексте составила от 0 (в трех монологах из 8) до 2,46 % — в отрывке из повести А. П. Платонова «Котлован»,

² Согласно данным А. Мерабяна, словесная сторона коммуникации занимает в среднем всего 7 %, звуки и интонация — 38 %, остальные 55 % — это невербальная коммуникация [Mehrabian 1981]. Поэтому очень важно при изучении живой речи рассматривать ее неотрывно от невербальных сигналов и знаков.

³ Психотип И, так же как и всех других информантов корпуса САТ, был установлен в ходе тестирования с применением психологического теста Г. Айзенка [Личностный опросник... 1995].

⁴ Подробнее о характеристиках языковой личности И см. [Никрус 2010; Богданова-Бегларян (ред.) 2014].

где И развеселил целый ряд единиц: *активная жадность, остаточный батрак, товарищ Пашкин, кузня*. Последнее слово подтолкнуло И к объемному метакоммуникативному комментарию (в примерах выделено шрифтом):

- 1) *но ещё Чиклин / или Чиклѐн и Елисей не дошли до кузни... / **цы должно быть / но тут написано до кузни** / не дошли до кузни / как товарищ Пашкин *С / уже вышел из помещения и отбыл на машине обратно.*

При следующем упоминании *кузни* И уже смеется и как бы играет с этим словом:

- 2) *Чиклин / он же Чиклѐн / с Настей на руках / вошли в кузню / **цу** *С / Елисей же остался постоять снаружи *С.*

Так же играет И и с фамилией героя, в которой читателю неизвестно место ударения: фрагментам (1)–(2) в данном монологе предшествует еще одна пространная метакоммуникативная вставка на эту тему, превратившаяся фактически в микродиалог читающего с самим собой:

- 3) *но ещё Чиклин / **Чиклин Чиклѐн / Чиклин** / мне так больше нравится / но ещё Чиклин и Елисей / **так Чиклин или Чиклѐн / действительно?!***

Смех в конце контекста (2) можно считать в результате общей реакцией на все языковые коллизии прочитанного отрывка, вызвавшие у И столько эмоций.

Самое большое количество *С обнаружилось — также вполне ожидаемо — в монологах, построенных по наиболее трудным коммуникативным сценариям, — в *пересказах* (1,92–5,6 % от общего количества токенов) и *описаниях изображения* (1,33–6,43 %). Такой смех во многом можно считать смехом говорящего над самим собой, порождающим, не без трудностей, спонтанный монологический текст.

Причины смеха в спонтанном монологе

Причины появления смеха в монологах разного типа (и, соответственно, его дискурсивные функции) вполне поддаются систематизации. Проиллюстрируем это.

1. **Маркирование начала или конца текста.** В первом случае смех связан с трудностями, которые испытывает любой говорящий, начиная неподготовленный монолог, во втором это может быть смех-облегчение: монолог закончен, и можно вздохнуть, ср.:

- 4) **С подожди секунду *С Ветлуга очевидно взыграла (чтение);*
- 5) **С Облонский какие-то люди неизвестные Левин и Щербитские / Щербатские / что там потом / Кити была ещё ребёнком *С / **это я запомнила** (пересказ);*
- 6) *занудство какое / я не могу пересказывать / реально // у меня пересказ две секунды займёт наверное / серьёзно // я не знаю с чего начать / честно говоря /// могу вот так слова подряд все рассказать / ну не все / конечно /// *С в общем / лопухи были *С / верхушки лопухов (пересказ);*

- 7) в общем картинка очень красивая даже // **вот** // *С / э-э-э (описание);
- 8) э-м-м **ну да / вот как-то так примерно** // *С (описание);
- 9) **вот такая страшная история // щас нажму на стоп** *С (рассказ).

Шрифтом в приведенных контекстах выделены метакоммуникативные вставки, которые либо также играют роль пограничных маркеров (*вот; ну да / вот как-то так примерно; щас нажму на стоп*), либо прямо вербализуют трудности говорящего в построении монолога. Видно, как много в этих текстах подобной метакоммуникации, сопровождающей смех.

2. Реакция на устаревшие, редкие или иные нетривиальные единицы читаемого текста (см. также примеры (1)–(2) выше; соответствующие единицы в контексте выделены):

- 10) в нескольких шагах на большой глубине и лопух и мать-мачеха и вся зелёная братия стояли уже **безропотно и тихо** *С молодой **ивняк** с зелёными нависшими ветвями вздрагивал от ударов **зыби** // *С // на том берегу **весело кудрявились ракиты** *С / на том берегу **весело кудрявились ракиты** / молодой **дубнячок** и **вётлы** // за ними тёмные ели рисовались зубчатую чертой / далее высились красивые / э-э-э / *С далее высились красивые **осокори** и величавые сосны (чтение).

Ясно, что предложенный выбор единиц, вызвавших смех читающего, во многом субъективен. Не исключено, что И показалось нетривиальным что-то другое, а может быть — просто обилие таких слов в одном небольшом отрывке. Видно также, что смех может возникнуть как после прочтения необычного слова (*эффект прайминга*⁵), так и перед ним (известно, что в ходе чтения глаз всегда несколько опережает язык) (*эффект «фьючеринга»*⁶).

⁵ Под *праймингом* в психологии и нейрофизиологии понимается предшествование одного стимула другому — обычно в процессе проведения эксперимента (см., например, работы [Posner, Snyder 1975; Schacter, Buckner 1998; Buckner et al. 2000; Dobbins et al. 2004; Марченко 2005]). О «естественном прайминге» как одном из методологических средств антропоцентрической лингвистики см. [Русакова 2013: 55 и далее].

⁶ Рабочим термином «фьючеринг» можно назвать ситуацию, противоположную праймингу, когда реакция говорящего наступает не после сказанного, а перед ним, когда слово или фраза еще только сложились у него в голове и он готовится их произнести. В случае чтения — когда информант уже видит слово, которое ему предстоит прочитать. Ср. употребления в корпусном материале «упреждающего рефлексива», близкие к эффекту «фьючеринга»:

- *взял на нашем / **извиняюсь** / отстойном пруду <смех> поймал такую рыбку* (САТ);
- *каждый } укладывает свой парашют самостоятельно / потому что } э-а (...) **прошу прощения за стилистику** / именно } твоей заднице лететь под куполом / и лучше / что если / этот парашют будет уложен именно тобой* (САТ);
- *и / значит / э-э **так скажем** немолодой уже / мужчина отправляется / э-э на отдых* (САТ).

Видно, что эффект «фьючеринга» возникает в ситуации, когда к употреблению готовится какая-то не вполне тривиальная единица: стилистически сниженная или эвфемистическая (в контекстах подчеркнуты) [Богданова-Бегларян 2017].

3. Реакция И на собственную языковую креативность, в том числе языковую игру. Таких примеров в материале исследования особенно много, ср.:

- 11) я б закрылась на три месяца и лежала бы прям / купила бы книжечек каких-нибудь / журналов всяких там / DVD и вот лежала бы и / **отращивала жиры** / *С (рассказ);
- 12) когда спрашивали типа / а дедушка где / а он на Кубе / говорила я / а что он там делает / я говорила в кубики играет *С // потому что я думала что **на Кубе надо обязательно играть в кубики** (рассказ);
- 13) ну меня так когда в детстве тоже меня спросила / Ксюша тебе погуще суп или пожирше / и я сказала **побольше** *С // мне значения этих слов мне видимо были непонятны *С (рассказ);
- 14) город город Чудово / в Новгородской области / там спички делаются делаются сами / ох *С (рассказ);
- 15) ну в общем группа у нас ужасная какая-то попалась / там только **пара нормальных паранормальных** *С // человек *С / пара приличных человек (рассказ);
- 16) вот учусь на гуманитарном факультете / п-приобретаю специальность связи с общественностью / а сдаю почему-то русский уже 4 года подряд / какие 4 семестра 4 курса подряд / не так 4 полугодия подряд сдаю русский / тоже удачно / на все четвёрки **магия чисел** *С (рассказ);
- 17) он надел халат / вышел в переднюю и э-э-э замеш.../ замес.../ замешкавшись какое-то время всё-таки вышел из э-э ком... / ну из // **жилища** *С // **своего дома** / **бунгало** / **шикарного пятизвёздочного отеля** *С (пересказ);
- 18) на следующее утро-о-о // **гончий** *С в общем / человек который ездил на коне и привозил новости / никак мне не вспомнить как он назывался / а-а-а / привёз печальную / печальное известие (пересказ);
- 19) **человек из / низшего сословия практически** *С / работает с... дворником / **менеджером по уборке так скажем** (описание);
- 20) один сидит на пенёчке а второй на него летит прям как / **белка-летяга** *С // **хвост торчком** / **лапы там** / **пяточком** *С (описание).

Видно, что порой креативность И продиктована не только ее несомненным чувством языка, но и тем обстоятельством, что она просто не может вспомнить то или иное слово или наименование и вынуждена его придумать (*гончий*). С личностью говорящего этот смех связан вполне очевидным образом: это либо искренний и непосредственный смех от радости за себя, такую креативную, либо смех над собой, такой забывчивой. Особенно показателен в этом отношении контекст (17): не вспомнив сразу, откуда именно вышел персонаж того фрагмента, который И пересказывает, она неоднократно сбивается — и смеется: сначала из-за того, что ей так плохо удалось воспроизвести этот пассаж текста (тем более, что запинки в этом ее монологе были и выше: *и э-э-э замеш.../ замес.../ замешкавшись*), а потом еще и потому, что она от души лингвистически «порезвилась», припоминая, как называется это помещение: *ну из // жилища *С // своего дома / бунгало / шикарного*

пятизвёздочного отеля (именно про такую ситуацию обычно говорят: «Остапа понесло...»). Несомненно, И здесь смеется именно над собой.

4. Возможен смех и как реакция на прямую ошибку или оговорку И, ср.:

- 21) *потом очень бы хотела бы съездить в Южную Америку / там в Португалию или Аргентину /// ой / *С не в Португалию / а в Бразилию / я думала про Бразилию / а сказала Португалия *С // очень хотелось бы в Бразилию или Аргентину / я не то сказала / по географии у меня 5 было всю жизнь / практически / так что я в курсе дела где Португалия где Бразилия (рассказ);*
- 22) *Семья / как много в этом звуке для сердца юного слилось / так ведь было / у Пушкина ли это было / да // ну не у Пушкина так не у Пушкина / у меня литература закончилась я не Инга *С // так что мне очень хорошо *С / литературы нет счастье есть (рассказ);*
- 23) *звенела зыбь ударяя в ворота старой лодки *С // нет // ударяясь / ударяя в борта старой лодки (чтение).*

Многие из приведенных примеров демонстрируют возможное сочетание разных причин смеха в одной его реализации, что делает этот ПЭ таким же полифункциональным, как большинство прагматических (ПМ) или дискурсивных (ДМ) маркеров устного дискурса [Schiffrin 1987; Fraser 1990, 1996; Redeker 2006; Богданова-Бегларян 2021].

Смех как супraseгментный паралингвистический элемент

Интересен еще и тот факт, что в устной речи смех, так же как и другие ПЭ, может употребляться не только как сегментная единица, занимающая определенное место в линейном развертывании звуковой цепи, но и как супraseгментный элемент, который реализуется вместе с лексической единицей, как бы накладываясь на нее. Такие случаи маркируются в транскриптах разными способами: <со смехом>, <с усмешкой>, <смеясь> и под. Примеры такого типа нашлись не в монологах И (что может быть связано просто с установкой автора этих записей и одновременно расшифровщика — на единообразии), но в других текстах корпуса САТ, ср.:

- 24) *свободный монолог // так // меня зовут *** // я учусь на третьем курсе и свободного времени у меня нет // конец // <смеется> шутка // на самом-то деле свободного времени у меня действительно нет потому что во-первых у меня ещё я сейчас буду жаловаться <смеясь> // у меня немецкий <плача> мне работать надо / на / вот (студ.);*
- 25) *приготовлю этот бигмак / а-а / и-и // <смеется> и унесу его домой то есть первый раз в жизни поем-м из «Макдака» дома // еду вот эту вот // мерзкую фаст-фуд <смеясь> (студ.).*
- 26) *этот кот тащил всё что ему попадалось под руку / под лапу <со смехом> (мед.);*

- 27) *вот // ну / его хотели наказать / но он выскочил в окно и / бросился на берёзу / с берёзы его стряхнули и тогда он забрался под дом / и там устроил / <со смехом> кошачий концерт (мед.);*
- 28) *однажды он украл / кусок ливерной колбасы / вот забрался на / дерево / стал / жадно её есть <со смехом> эта колбаса упала кому-то на голову / из ребят (мед.).*

Причины и характер обоих типов смеха — и как сегментной, и как супрасегментной функциональной единицы устного дискурса, — по-видимому, одинаковы, хотя это можно и проверить в специальном исследовании.

Смех и близкие паралингвистические элементы

Встретились в корпусе САТ (снова не в материале И, а в других текстах) и пометы, маркирующие в речи говорящих не *смех*, а *усмешку* или *ухмылку*, ср.:

- 29) *они были намного <ухмыляясь> ну сейчас они изменились (студ.);*
- 30) *пожарили там шашлыков // всё это выпили // под громадное количество <усмешка> виски // вот (юр.);*
- 31) *с удовольствием <усмешка> поговорю <смех> на тему / отпускную тему (юр.);*
- 32) *ну и конечно хочется на самом деле / каких-то новых впечатлений / ощущений // то есть побыть на самом деле в каком-то [7 может быть] в раю / действительно / ничего вот этого не видеть / о работе каждый день не слышать / и не загружаться // <усмешка> ой <вздых> сейчас (юр.).*

Подобные контексты ставят перед исследователями новые задачи: например, установление просодической дифференциации таких паралингвистических элементов, как *смех*, *усмешка* и *ухмылка*. Сюда же можно, по-видимому, добавить и *улыбку* (таких помет в материале САТ пока не нашлось). Помимо их несомненного семантического различия, что фиксируется толковыми словарями, существует, по-видимому, и просодическое, которое фиксируют расшифровщики устных монологов. Особенно хорошо это видно в примере (31), где в одном небольшом фрагменте отчетливо разведены пометы *<усмешка>* и *<смех>*.

В контексте (32) соседствуют *<усмешка>* и *<вздых>*, а в контексте (24) — пометы *<смеясь>* и *<плача>*, что еще повышает значимость подобных функциональных элементов устного дискурса и важность их анализа.

Заключение

В целом проведенное исследование смеха (в первую очередь смеха говорящего над самим собой) как паралингвистического элемента спонтанного монологиче-

⁷ Знаком (J) в расшифровках монологов юристов обозначены паузы хезитации. Подробнее об особенностях дискурсивной транскрипции материалов САТ см. [Чэн Чэнь 2021].

ского текста и полученные результаты свидетельствуют о несомненной перспективности описания ПЭ в самых разных аспектах, особенно таких как:

- собственно лингвистика текста;
- коллоквиалистика как теория разговорной речи: ПЭ-смех рассматривается как функциональная речевая единица;
- прагмалингвистика: ПЭ-смех может рассматриваться как реализация того или иного речевого акта;
- социолингвистика: ПЭ-смех может рассматриваться в корреляции с социальными характеристиками говорящего (гендер, возраст и т. п.);
- психолингвистика: ПЭ-смех может рассматриваться в корреляции с психотипом говорящего;
- когнитивистика: ПЭ-смех как способ познания действительности, смех в речи на родном и неродном языках;
- лингвокриминалистика: ПЭ-смех как способ диагностировать личность говорящего;
- создание искусственного интеллекта; и проч.

Список принятых сокращений

ДМ дискурсивный маркер

И информант

ПМ прагматический маркер

ПЭ паралингвистический элемент

*С тег для обозначения смеха в расшифровках корпусного материала

САТ корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека»

Литература

Богданова-Бегларян Н. В. (ред.). Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Богданова-Бегларян Н. В. (ред.). Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. 396 с.

Богданова-Бегларян Н. В. «Нетривиальное» в нашей речи: взгляд с позиции говорящего (раздумья над корпусным материалом) // Социо- и психолингвистические исследования. Вып. 5. 2017. С. 32–38.

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматика невербального в русской устной речи // Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития. Международная на-

учная конференция. Сб. статей. 24–25 октября 2019 г. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2019. С. 21–26.

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Выпуск 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А. М. Молдован. Отв. ред. выпуска В. А. Плунгян. М., 2019. С. 111–126.

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 8–13.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

Личностный опросник EPI (методика Г. Айзенка) // Альманах психологических тестов. М.: КСП, 1995. С. 217–224.

Марченко О. П. Обзор по теме: «Прайминг». 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.neuroscience.ru/content/view/328/100> (дата обращения: 12.12.21).

Никрус И. В. Языковая личность в спонтанном монологе // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Филология. Востоковедение. Журналистика. Серия 9. Выпуск 4. 2010. С. 176–182.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка / Ред.: М. Д. Воейкова, Н. Н. Казанский, А. Ю. Русаков, С. С. Сай. М.: Языки славянских культур, 2013. 568 с.

Турчик А. В. Конверсационный анализ смеха в речевом взаимодействии: случай конструирования оценок власти // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 21–36.

Чэнь Чэнь. Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка. СПб.: Нестор-История, 2021. 232 с.

Bogdanova-Beglarian N., Baeva E. Nonverbal elements in everyday Russian speech: an attempt at categorization // Computational models in language and speech. Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018). Vol-2303. Kazan, Russia, November 1, 2018. Ed. by A. Elizarov, N. Loukachevitch. Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University, N. I. Lobachevsky Institute of Mathematics and Mechanics; Moscow, Lomonosov Moscow State University, Research Computing Center, 2018, pp. 3–13.

Buckner R. L., Koutstaal W., Schacter D. L., Rosen B. R. Functional MRI evidence for a role of frontal and inferior temporal cortex in amodal components of priming. *Brain*, 2000, no. 12, pp. 620–640.

Dobbins I. G., Schnyer D. M., Verfaellie M., Schacter D. L. Cortical activity reductions during repetition priming can result from rapid response learning. *Letters to Nature*, 2004, no. 428, pp. 316–319.

Fraser B. An approach to discourse markers. *Journal of Pragmatics*, vol. 14, 1990, pp. 383–395.

Fraser B. Pragmatic markers. *Pragmatics*, vol. 6 (2), 1996, pp. 167–190.

Mehrabian A. Silent messages: Implicit communication of emotions and attitudes. 2nd edition. Wadsworth, Belmont, 1981. 216 p.

Posner M. I., Snyder C. R. R. Facilitation and inhibition in the processing of signals. Rabbit P. M. A., Dornic S. (eds.). Attention and performance V. New York, Academic Press, 1975, pp. 669–682.

Redeker G. Discourse markers as attentional cues and discourse transitions. Approaches to discourse particles. Studies in Pragmatics. Vol. 1. *K. Fischer* (ed.). Oxford, Elsevier, 2006, pp. 339–358.

Schacter D. L., Buckner R. L. Priming and the Brain. Review. *Neuron*, 1998, no. 20, pp. 185–195.

Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1987. 364 p.

N. V. Bogdanova-Beglarian
St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)
n.bogdanova@spbu.ru

WHO ARE YOU LAUGHING AT? YOU ARE LAUGHING AT YOURSELF!
(ON LAUGHTER AS A SPEAKER'S REACTION
TO THEIR OWN SPEECH ACTIVITY)

The article focuses on laughter as a paralinguistic element (PE) of an oral spontaneous monologue text. The article presents various functions of laughter as a non-verbal discursive unit on the material of 28 monologues of different types (reading, retelling, description of the image, story) from the “Balanced Annotated Text Library” corpus, recorded from one informant (a woman, non-philologist student, typical extrovert). The functions include: laughter as a marker of the beginning or the end of the text; laughter as a reaction to something non-trivial in speech (not in life, which is linguistically less interesting), in particular, to one’s own linguistic creativity; laughter as a reaction to an error or speech failure. Each speech scenario was recorded from this informant 4 times, over a period of three years, with an interval of two months each, which made it possible, firstly, to analyze the actual characteristics of the speech of a given linguistic personality, and not the features provoked by a specific speech situation. Secondly, this made it possible to compare the received texts with each other in various aspects, including pragmalinguistic ones.

The minimum of laughter as PE was found in reading monologues (0–2.46 % of the total number of tokens), the maximum — in monologues built according to the most difficult communicative scenarios: in retellings (1.92–5.6 %) and in image descriptions (1.33–6.43 %). A significant number of such PEs in the studied material are cases when the speaker laughed at herself. Many of these usages are obviously polyfunctional. The results of this and similar studies can be useful in various aspects of linguistics, both theoretical (text linguistics, colloquialistics, psycho- and sociolinguistics) and purely practical (linguocriminalistics, the creation of artificial intelligence, etc.).

Keywords: spontaneous text, monologue, paralinguistic element, pragmalinguistics, laughter, polyfunctionality.

References

Bogdanova-Beglarian N. V. (ed.). *Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' 1. Chteniye. Pereskaz. Opisaniye* [Sound corpus as a material for the analysis of Russian speech. Collective monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2013. 532 p.

Bogdanova-Beglarian N. V. (ed.). *Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya Chast' 2. Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty analiza. Tom 1. O nekotorykh osobennostyakh ustnoy spontannoy rechi raznogo tipa. Zvukovoy korpus kak material dlya prepodavaniya russkogo yazyka v inostrannoy auditorii* [Sound corpus as a material for the analysis of Russian speech. Collective monograph. Part 2. Theoretical and practical aspects of the analysis. Volume 1. On some features of spontaneous speech of various types. Sound corpus as a material for teaching the Russian language to foreigners]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2014. 396 p.

Bogdanova-Beglarian N. V. [“Non-trivial” in our speech: a view from the position of the speaker (reflections on corpus material)]. *Sotsio- i psikholingvisticheskiye issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic studies]. Issue 5, 2017, pp. 32–38. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V. [Pragmatics of non-verbal in Russian oral speech]. *Russistika v XXI veke: tendentsii i napravleniya razvitiya. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*. [Russian Studies in the 21st century: trends and directions of development. International scientific conference. Sat. articles]. Yerevan, YSU Publishing House Publ., 2019, pp. 21–26. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V. *Pragmatischeskiye markery russkoy povsednevnoy rechi: slovar'-monografiya* [Pragmatic markers of Russian everyday speech: monograph-dictionary]. St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2021. 520 p.

Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstinova T. Yu., Zaides K. D. [Corpus “Balanced Annotated Text Library”: a technique for multi-level analysis of Russian monologue speech]. *Analiz razgovornoy russkoy rechi (AR³-2017): Trudy sed'mogo mezhdistsiplinarnogo seminara* [Analysis of colloquial Russian speech (AR³-2017): Proceedings of the Seventh Interdisciplinary Seminar]. St. Petersburg, Polytechnic-Print Publ., 2017, pp. 8–13. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Zaides K. D., Sherstinova T. Yu. [Corpus “Balanced Annotated Text Library” (SAT): the study of the specifics of Russian monologue speech]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Natsional’nyy korpus russkogo yazyka: issledovaniya i razrabotki* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. National Corpus of the Russian Language: research and development]. Issue 21. Moscow, 2019, pp. 111–126. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N., Baeva E. Nonverbal elements in everyday Russian speech: an attempt at categorization. *Computational models in language and speech. Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018)* co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (*TEL 2018*). Vol-2303. Kazan, Russia, November 1, 2018. Ed. by A. Elizarov, N. Loukachevitch. Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University, N. I. Lobachevsky Institute of Mathematics and Mechanics; Moscow, Lomonosov Moscow State University, Research Computing Center, 2018, pp. 3–13.

Buckner R. L., Koutstaal W., Schacter D. L., Rosen B. R. Functional MRI evidence for a role of frontal and inferior temporal cortex in amodal components of priming. *Brain*, 2000, no. 12, pp. 620–640.

Chen Cheng. *Khezitatsii v russkoy ustnoy rechi nositeley kitayskogo yazyka* [Hesitations in Russian speech of native Chinese speakers]. St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2021. 232 p.

Dobbins I. G., Schnyer D. M., Verfaellie M., Schacter D. L. Cortical activity reductions during repetition priming can result from rapid response learning. *Letters to Nature*, 2004, no. 428, pp. 316–319.

Fraser B. An approach to discourse markers. *Journal of Pragmatics*, vol. 14, 1990, pp. 383–395.

Fraser B. Pragmatic markers. *Pragmatics*, vol. 6 (2), 1996, pp. 167–190.

Kreydlin G. Ye. *Neverbal’naya semiotika. Yazyk tela i yestestvennyy yazyk* [Nonverbal semiotics. Body language and natural language]. Moscow, New Literary Review Publ., 2002. 592 p.

Lichnostnyy oprosnik EPI (metodika G. Ayzenka) [EPI personality questionnaire (G. Eysenck’s method)]. *Al’manakh psikhologicheskikh testov* [Almanac of psychological tests]. Moscow, KSP Publ., 1995, pp. 217–224. (In Russ.)

Marchenko O. P. *Obzor po teme: “Praying”. 2005* [Review on the topic: “Priming”. 2005]. Available at: <http://www.neuroscience.ru/content/view/328/100> (accessed 12.12.21).

Mehrabian A. *Silent messages: implicit communication of emotions and attitudes*. 2nd edition. Wadsworth, Belmont, 1981. 216 p.

Nikrus I. V. [Linguistic personality in a spontaneous monologue]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Philology. Oriental studies. Journalism]. Series 9, issue 4, 2010, pp. 176–182. (In Russ.)

Posner M. I., Snyder C. R. R. Facilitation and inhibition in the processing of signals. *Attention and performance V*. Rabbit P. M. A., Dornic S. (eds.). New York, Academic Press, 1975, pp. 669–682.

Redeker G. Discourse markers as attentional cues and discourse transitions. *Approaches to Discourse Particles. Studies in Pragmatics*. Vol. 1. K. Fischer (ed.). Oxford, Elsevier, 2006, pp. 339–358.

Rusakova M. V. *Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka* [Elements of anthropocentric grammar of the Russian language]. Moscow, Language of Slavic Cultures, 2013. 568 p.

Turchik A. V. [Conversion analysis of laughter in speech interaction: a case of constructing estimates of power]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 2010, no. 1, pp. 21–36. (In Russ.)

Schacter D. L., Buckner R. L. Priming and the brain. Review. *Neuron*, 1998, no. 20, pp. 185–195.

Schiffrin D. *Discourse markers*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1987. 364 p.